

УСТНАЯ ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ПАВЛОВО-ПОСАДСКОЙ ЗЕМЛИ

(по материалам археографических экспедиций МГУ 80-х годов XX века)¹

Каждый день нашей жизни неизбежно и весьма быстро становится историей. Можно составить летопись важных событий, но все многообразие повседневности сохраняется только в человеческой памяти. К сожалению, чувства, мнения, воспоминания людей очень редко фиксируются и становятся достоянием историков. Тем более важна т.н. «устная история» — источники, позволяющие получить такую информацию и осмыслить её. Археографы Московского университета не ставили своей задачей специально заниматься изучением местной устной истории. Это отдельное самостоятельное направление, которое в нашей стране наиболее последовательно развивается в РГГУ, но за годы экспедиций и в МГУ сложился внушительный массив записей многочасовых бесед с жителями разных регионов бывшего Советского Союза, в том числе и Подмосковья. В этих записях отражены самые разные стороны народного миропонимания последней трети XX века. Казалось бы, столь недавнее время, но сегодня уже почти никого не осталось из наших тогдашних собеседников, которые, опасаясь сказать лишнее и понимая все возможные последствия своего разговора с незнакомыми молодыми людьми, тем не менее увлеченно рассказывали нам о старообрядческой жизни, о своей судьбе, об истории родных мест, о храмах и монастырях, о священниках и старопечатных (и даже рукописных) книгах, о бытовавших промыслах.

Одной из ведущих тем археографов МГУ было изучение уникального центра — Гуслиц. На это направлены были все силы, а потому в материалах экспедиций меньше данных о Павлове-Посадской земле, хотя, очевидно, что надо изучать в таком ключе все своеобразные уголки: Вохну, Гжель, Гвоздну и другие, возможно, почти не известные. На самобытность этой исторической местности в середине XIX века указывали члены Московского статистического общества, но более чем столетие спустя к подобным исследованиям на местах относились с широким спектром эмоций: от осторожного доброжелательства до решительного стремления немедленно изгнать и «запретить вывозить фольклор», как говорил нам житель Егорьевска В.И. Смирнов, выпустивший ныне книгу «Мы — Егорьевцы». В настоящее время, когда мир меняется еще стремительнее, чем в прошлом веке, когда и традиции просто угасают не справляясь с напором новшеств и не имея хранителей, способных последовательно и осмотрительно их развивать, каждая крупица знания о прошлом, пожалуй, просто бесценна и должна найти свое место в системе исторических источников.

Данное сообщение основано на записях экспедиций 1981—85 годов (участники: Е.А. Агеева, А.В. Воронина, Л.А. Игошев, И.А. Кузнецова) и некоторых добавлениях середины 90-х годов². В последующие годы систематические экспедиции уже не проводились.

Из круга наших собеседников прежде всего хотелось бы выделить Евдокию Ермолаевну Березину — старосту старообрядческой церкви. Её предки — потомственные богородские староверы — крестьянствовали и работали на фабриках Морозовых. Дед ее содержал домашнюю моленную и известен был тем, что переписывал и «поновлял» книги — в семье хранился крюковой Октай, им написанный и переплетенный. Книги дед переписывал для церкви и своей семьи, а не на продажу. Хотя многие говорили нам в этих местах, что в Гуслицах была «писанина», вкладывая в это понятие и коммерческий оттенок. Е.Е. Березина

¹ Данная работа выполнялась при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 00-0680377) (здесь и далее примечания автора).

² Приведены сведения из полевых дневников А.В. Морозовой «Подмосковье-82», С. 5-29; Е.А. Агеевой «Подмосковье-81», С. 1-3, Подмосковье-86, С.2-7.

получила традиционное домашнее образование, учила ее мать, в том числе и крюковому пению. Потом не раз приходилось слышать, что, кроме нее, никто в округе солевого пения не знает, хотя Березина некоторых прихожан обучала. Большое место в жизни Е.Е. занимало чтение поучений и «Жития» протопопа Аввакума. Хранила она воспоминания и о старом благочестии.

Знала, что были в этих местах поповцы и беспоповцы, которых почти не осталось: «Кругом одна московская вера, а беспоповцы все поняли, что без священства им не спастись, — говорила Е.Е. Она употребляла название, характерное для первой половины XIX века, возможно, в наше время оно связывалось с близостью и влиянием Московского Рогожского кладбища. По ее воспоминаниям, раньше в округе было много храмов. Закрывали их в 30-е годы разными способами, например, в с. Назарьеве испугали настоятеля постоянными упреками и угрозами, и, несмотря на многолюдие прихожан, храм был закрыт. В селе Рахманове был женский старообрядческий монастырь, послушницы и инокини которого отличались своей благотворительностью — помогали многим бедным семьям в округе. Арсений Иванович Морозов широко помогал многим старообрядческим храмам, более всего в Гуслицах — самом корне старообрядчества. Е.Е. очень уважала А.И. Морозова за его вклад в процветание старой веры. В одном из домов нам сказали, что в молодости Е.Е. пела в знаменитом Морозовском хоре, но сама она как-то не расположена была более подробно обсуждать эту тему. Горячо любила свой храм, где священствовал ее деверь Данила Иванович Березин. Его помнили почти все, рассказывали его жизненный путь: начинал служить при церкви еще мальчиком, был стихарным, дьяком, дьяконом и несколько десятков лет священником. В то время, о котором шел с ней разговор, на большие службы собиралось до 100 человек из окрестных сел и деревень. На клиросе пели только женщины, и, по наблюдениям Е.Е., они всё более становились активной частью старообрядчества. Расстраивало Е.Е., что по-настоящему грамотных в городе нет, хотя были потомки многих известных в округе духовных семей. Так, нам тогда удалось поговорить с Капитолиной и Евгенией Николаевнами, отец которых, Дмитрий Николаевич Глинка, был строителем местного храма во имя Рождества Богородицы, но умер в 1915 году, не дожив до освящения. Он был родом из калужского села Дворцы (это очень известное старообрядческое место, откуда вышло немало замечательных священников). По не совсем понятной для нас причине, вместе с семьей был сослан в Благовещенск, как объясняли сестры — за отказ перейти в единоверие. В семье было два брата и пять сестер. Братья умерли младенцами. Один из них по дороге из ссылки, на Ангаре. Семья плыла на пароходе, принадлежавшем старообрядке Курбатовой, бесплатно. Отец Николай сам писал крюковые книги («как Чайковский», — сказала Капитолина Николаевна) настолько хорошо, что власти подозревали его в обладании печатной машиной. Своих дочерей он сам обучил грамоте. После его смерти семья жила очень трудно — занимались надомной работой: шили платки. Одна из сестер — Евгения — в 1931 году уехала в Москву, работала проводником, а потом 22 года уборщицей в посольстве США. И хотя посещать церковь почти не было возможности, но веру крепкую и знание Священного писания она, как и сестра, сохранила на всю жизнь. В семье сохранялась большая икона с семью тезоименитыми святыми всем сестрам, но была украдена в 70-е годы. Сестры знали последнего гуслицкого иконописца деда Михайлу из деревни Горы (место широко известное именно иконописным промыслом), умершего лет десять назад. Другие называли его Михаилом Мартемьяновичем, считали, что умер лет двадцать тому. По мнению сестер, одна из его последних работ — Богоматерь Казанская — была на левом клиросе в храме. Даже в советское время он писал иногда на заказ по дореволюционным ценам, как они говорили, «по вершкам». Капитолина Николаевна и ее муж, не зная сути раздела, хорошо помнили о «неокружниках», что вообще характерно для Павловского Посада, поскольку здесь, как и в Гуслицах, очень широко проходила полемика об «Окружном послании». Так, еще один наш рассказчик — Иван Федорович Дрожжин — точно знал, что он неокружник, и считал, что от Орехова до Куровского еще при дедах все были неокружники. Мальчиком он еще ходил в моленную, петь по крюкам учился, как и все тогда, у нищего из Гуслиц, который

ходил по селам и знал все 8 гласов. Грамоте обучили родители. И. Ф. очень ценил гусяков, считал, что они и есть старообрядцы, только очень грамотные «по-славянски». «Из них идут в священники», — говаривал он. Посоветовал нам поехать в Данилово — «не гусяки, но тоже крепкие в вере».

В Данилове — замечательном старом селе — мы обстоятельно беседовали с Антониной Ивановной Саловой. Узнали от нее, что село изменилось мало. С давних пор работала фабрика, после революции на ней делали отделку для кроватей. А у них в семье был домашний промысел — изготавливали зеркальные лампы для паровозов, назывались «сиянье». Все делали сами, лампы обжигали в русской печи. Дядю и раскулачили из-за этих занятий. В их роду все были грамотные, многие пели на клиросе. А.И. по-славянски обучалась сама — по Часовнику. Любит храм. По ее, а также И.Ф. Дрожжина, словам, в 50-60-е годы на службах было много народу, сорокалетние учились у стариков (это основной путь передачи традиции в старообрядческом сообществе). А до 1917 года, — вспомнила А.И., — в селе был свой учитель Петр Тонков, он же занимался и перепиской книг. Удивительно, что именно в Павловском Посаде и его округе мы записали больше имен писцов, чем в знаменитой Гуслице. Школы в селе не было, оно славилось храмом. А.И. рассказала про его удивительную судьбу. Храм был неокружнический, в 30-е годы его не закрыли, но не было священника в военное время, молились сами, так как было много людей, знавших службу. В 50-е или 60-е годы, точно не помнит, прислали молодого священника с Украины. Три местные «девушки» (старые девы), вроде монашек, строго его опросили и, узнав, что он «окружник», не пустили его в храм. Он и уехал. Храм долго еще поддерживался силами местных староверов, но потом все же был закрыт. «Теперь одна вера — окружная», — говорит А.И. Про «Окружное послание» она слышала, но так же, как и другие, сути его не знает. Помнит, что в селе еще были «чашечники» (беспоповцы), но никого не осталось. В Данилове от Архиповой Василисы Алексеевны узнали, что в Давыдове (это уже, по их мнению, Гуслицы) была келья, в ней и померла бабушка В.А.

В завершение хотелось бы отметить, что всем нашим собеседникам тогда было около 80 лет или чуть больше. Только А.И. Салова была значительно моложе. С некоторыми у нас наладилась переписка, потом прервалась. Думаю, что эти небольшие воспоминания не только передают прошлую духовную жизнь, но и навсегда оставляют в нашей памяти этих трогательно-душевных людей — олицетворение своеобразия и неповторимости Павлово-Посадской земли³.

Е.А. Агеева, декан исторического факультета Университета РАО, научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова

3 От редакции сайта «Богородск-Ногинск. Богородское краеведение»: автор выступил с данным докладом на очередной краеведческой конференции «Богородский край — на рубеже тысячелетий» в Павловском Посаде (20 апреля 2001 г.).